

Санд Жорж

Кзаки в Париже
(Francia)

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ж81

Ж81 **Жорж С.**
Казачи в Парижѣ: (Francia) / Санд Жорж – М.: Книга по Требованию, 2023. – 84 с.

ISBN 978-5-519-84656-1

ISBN 978-5-519-84656-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

толпа мгновенно подхватила дѣвушку на руки, а дѣвушка эта была гризетка, и внесла въ табачную лавочку, которая была сзади.

Послѣ этого приключенія толпа опять мгновенно сдвинулась и изъ нея раздались восклицанія негодованія.

Императоръ, величавый и вмѣстѣ съ тѣмъ улыбающійся, все видѣлъ и слышалъ и своимъ однимъ взглядомъ сдержалъ неудовольствіе своей свиты, оскорбленной восклицаніями народа. Никто, ни одинъ человекъ изъ его громадной свиты и виду не подалъ, что замѣтилъ угрожающіе взгляды толпы, ея крики.

Молодой всадникъ, бывшій причиною всѣхъ этихъ восклицаній, лѣстилъ себя надеждою, что никто, — ни императоръ, ни его начальство ничего не замѣтили.

Напрасная надежда: всѣ замѣтили молодого вѣтренника, который, изъ удали и кокетства, выбралъ для этого торжественнаго шествія почти совсѣмъ необязаннаго коня.

Конь былъ точно красивъ чрезвычайно — и всаднику хотѣлось похвастать имъ.

Когда процессія вступила на бульвары, крики негодованія замолкли и, какъ бы по волшебству, смѣнились криками восторга и привѣтствія. Толпы народа безъ страха, смѣло и рѣшительно вторглись въ ряды войскъ и привѣтствовали своихъ побѣдителей! Эти толпы сплошь состояли изъ самыхъ ярыхъ роялистовъ, которые въ данный моментъ сбросили ненавистную имъ маску и привѣтствовали побѣдителя.

Толпы женщинъ окружили императора Александра, тѣснились у ногъ его лошади, умоляли его, чтобы онъ возвратилъ имъ порадокъ, далъ имъ короля. Привѣтливая улыбка не сходила съ лица императора, котораго, нужно сказать, парижане очень полюбили.

Национальная гвардія Парижа съ грустью смотрѣла на эту сцену; она думала, что эти женщины благодарятъ великодушнаго побѣдителя за то, что онъ не предалъ разрушенію Парижа: выраженіе этой благодарности, казалось, національнымъ гвардейцамъ слишкомъ утрированнымъ.

Молодой всадникъ, о которомъ мы только что говорили, не могъ понять этой сцены: онъ помнилъ, что Москва горѣла, когда входилъ въ нее чужеземецъ. Да въ два года ему удалось видѣть два совершенно различныя выраженія патріотизма: богатая, промышленная Москва, чтобы не достаться пришлецамъ, сама сожгла себя, а пышный, просвѣщенный Парижъ привѣтствуетъ чужеземца! Москва, выразившая такую великую преданность — и поразила

ужасомъ и восхитила его, — Парижъ вызвалъ въ немъ чувство презрѣнія.

Въ тѣ минуты, когда русская армія проходила предмѣстья, и когда его лошадь бѣсилась — онъ, видя гнѣвные, печальныя лица парижанъ, думалъ: этотъ народъ или проданъ намъ или измѣной преданъ намъ; на бульварахъ, когда толпы роялистовъ привѣтствовали русскую армію, онъ не понималъ, что все это значитъ, но онъ думалъ: презрѣнный, подлый народъ! Топтать ногами нужно этотъ народъ, думалъ онъ, плевать въ лицо ему, за его безстыдство, за его ликованія.

При видѣ толпы прекрасныхъ, ликующихъ женщинъ, дикіе инстинкты заговорили въ нашемъ красавцѣ всадникѣ; онъ, казалось, забылъ, что только что влеймилъ ихъ своимъ презрѣніемъ. Эти женщины, склонившіяся передъ побѣдителями и раболопно слѣдовавшія за его колесницами, были прекрасныя трофеи. Надменный, съ воспаленнымъ взглядомъ, проѣхалъ онъ бульвары: жажда удовольствій и веселости охватила его.

Императоръ отказался проѣхать прямо въ Тюльери; онъ поѣхалъ сначала въ Елисейскія поля, чтобы сдѣлать смотръ своимъ отборнымъ войскамъ, которыя были тамъ расположены. Парижане, жадные до зрѣлищъ, съ восторгомъ сопровождали ему.

Послѣ смотра императоръ располагалъ, со своимъ штабомъ, помѣститься въ Елисейскомъ дворцѣ, но, предупрежденный во время, что Елисейскій дворецъ минированъ онъ принялъ предложеніе Талейрана, который съ большею охотою предложилъ императору свой домъ.

Съ Елисейскихъ полей императоръ доѣхалъ, со своей свитой до площади Согласія, а оттуда онъ прошелъ пѣшкомъ до дома Талейрана.

Чтобы наказать князя Мурзакіна (фамилія молодаго всадника), который состоялъ въ свитѣ его, — императоръ сказалъ: пускай Мурзакінъ помѣщается, гдѣ ему угодно — только не съ нами, и пускай три дни просидитъ подъ арестомъ.

Арміи былъ отданъ приказъ размѣститься лагеремъ на площадяхъ и улицахъ Парижа.

Жителей Парижа удивило и обрадовало ласковое обращеніе русской арміи, которая, завоевавши всю Францію, взяла въ свои владѣнія безъ спросу только одни мостовыя Парижа. Даже пищи русскіе солдаты не требовали отъ парижанъ, а доставали ее изъ своихъ ранцевъ.

Князь Мурзакінъ, который былъ въ числѣ придворныхъ, когда

ему передали приказаніе государя, сильно пріунылъ: онъ думалъ, что попалъ въ совершенную немилость государя.

Въ это время дядя князи — графъ Оготской, личный адъютантъ императора, шепнулъ князю, проходя мимо: не унывай; у тебя есть враги и они подъ тебя подкапываются, но да это все вздоръ: государь знаетъ тебя и любитъ. Удаленіе твое временное и сдѣлано съ цѣлью предохранить тебя отъ твоихъ недруговъ. Скройся на нѣсколько дней, но только дай мнѣ знать, гдѣ ты будешь.

— А я почему знаю, гдѣ я буду, грустно отвѣчалъ молодой князь, въ голосъ котораго слышалась покорность судьбѣ. Гдѣ Богу угодно, тамъ и буду.

Только что успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ передъ нимъ точно изъ земли выросъ жокей, съ такой добродушной, хорошей фizioноміей, и передалъ ему слѣдующаго содержанія письмо: «Маркиза де-Тіевръ съ удовольствіемъ вспомнила объ томъ, что она родственница князи Мурзакіна, и поручила мнѣ пригласить его поселиться въ отелѣ Тіевръ. Къ ей просьбѣ присоединяюсь и я». Записка эта была подписана: Маркизь де-Тіевръ.

Мурзакинъ показалъ эту записку своему дядѣ, который, улыбаясь прочелъ ее, и, возвращая, сказалъ: какъ только будетъ мнѣ свободное время, я сейчасъ же прійду къ тебѣ.

Мурзакинъ сдѣлалъ знакъ своему гайдуку — козану и послѣдовалъ за жокеемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они были въ отелѣ Тіевръ, въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстѣи.

Отель Тіевръ, построенный во вкусъ Людовика XIV, былъ расположенъ между дворомъ и садомъ, громадные деревья котораго придавали ему какую то таинственность.

Красивое крыльцо, широкая лѣстница, мягкіе ковры, роскошно сервированная столовая, въ которой, видимо, ожидали гостя, все это живо промелькнуло передъ глазами Діомеда Мурзакіна. Діомедъ — это было его имя, которымъ звали его друзья и родственники, полное же имя его было: Діомедъ, сынъ Діомеда, — Діомедъ Діомедовичъ.

Маркизь принялъ его съ распростертыми объятіями.

Маркизь былъ человекъ маленькій, скверненькій; ему было лѣтъ пятьдесятъ; онъ былъ очень худъ, очень вертлявъ, очень блѣденъ и очень черноглазъ. Его черныи парикъ былъ какъ то неестественно черенъ; одѣтъ онъ былъ весь въ черномъ. Вообще своей мизерной вертливой фигуркой онъ сильно смахивалъ на сороку.

Онъ говорилъ много, учтиво и чрезвычайно скоро.

Мурзакинъ, очень порядочно говорившій по-французски, положительно растерялся отъ этого потока краснорѣчивыхъ фразъ, произнесенныхъ съ неимоверною быстротою; онъ отвѣчалъ Маркизу почти на обумъ, такъ какъ изъ его фразъ ему удавалось схватить только нѣкоторыя слова. Изъ всего, что натараторилъ Маркизь—Мурзакину удалось понять только то, что Маркизь хлопочетъ объ томъ, чтобы доказать свое родство съ нимъ. Маркизь по этому случаю сообщилъ слѣдующее: во время революцій, когда лучшіе французскіе фамиліи эмигрировали изъ Франціи,—одна дѣвица, изъ фамиліи Тіевръ, вышла замужъ за родственника князя Мурзакина. Называя различныя русскія фамиліи, Маркизь коверкалъ ихъ немилосердно.

Мурзакинъ чистосердечно отвѣтилъ маркизу, что если и предположить это родство, объ которомъ онъ не имѣетъ, впрочемъ, никакого понятія, то это родство должно быть самое отдаленное.

Но вотъ вошла маркиза; она была не такъ краснорѣчива, какъ ея мужъ, но была такъ-же любезна и внимательна къ Мурзакину. Она тотчасъ же начала звать его кузеномъ, требуя чтобы и онъ ее звалъ кузиной; на что онъ съ удовольствіемъ согласился.

Такимъ образомъ ихъ отношенія возстановились въ нѣсколько минутъ.

Маркизь проводилъ его въ прекрасное помѣщеніе, которое отдало было въ его распоряженіе и гдѣ его гайдукъ, въ ожиданіи барина, уже занимался разборкой чемодана. Кроме того маркизь былъ такъ любезенъ, что предложилъ ему своего стараго довѣреннаго лакея. Думая, что прислуживаетъ какому нибудь владѣтельному князю Мурзакину, старый слуга, стоя позади него, слѣдилъ за всѣми его движеніями и старался предупредить всѣ его желанія.

По правдѣ сказать, Діомеду такъ нужна была его помощь, чтобы понять употребленіе предметовъ, разставленныхъ на туалетѣ. Онъ открывалъ множество флаконовъ съ духами, тщетно ища простаго одеколона, который по его былъ самыми лучшими духами. Свѣжихъ, душистыхъ помадъ и разныхъ составовъ онъ ужасно страшился, привыкнувъ къ протухлымъ продуктамъ своего походнаго багажа. Наконецъ, убравшись какъ можно лучше, стрехнувши пыль съ своихъ сапогъ и блестящаго мундира, Мурзакинъ пошелъ назадъ въ залу, но, видя идущимъ за собой французскаго лакея, онъ вспомнилъ, что долженъ попросить его объ одной услугѣ. Впер-

выхъ, онъ спросилъ, какъ его зовутъ, на что получилъ простое: Мартинъ.

— Ну, Мартинъ, сдѣлайте одолженіе, приведите мнѣ человѣка изъ предмѣстья Санъ-Мартинъ, номеръ.... Но по правдѣ сказать я больше не могу дать никакихъ свѣдѣній. Это мѣсто въ родѣ кофейной гдѣ курятъ.... тамъ много билліардовъ и обито оно съ передней стороны ситцемъ. Это очень недалеко отъ бульвара, если пойдешь черезъ предмѣстье.

— Найдешь-съ, отвѣтилъ важно Мартинъ.

— Да, надо найти, сказалъ князь, и нужно также справиться объ одной особѣ, имени которой я тоже не знаю. Все, что я могу сказать такъ это то, что она очень молода, лѣтъ 16-ти или 17-ти, одѣта въ бѣлое съ голубымъ и довольно хорошенькая.

Мартинъ не могъ скрыть улыбки, которую Мурзакинъ тотчасъ же и замѣтилъ.

— Это не фантазія, продолжалъ онъ, моя лошадь, проѣзжая, опрокинула эту молодую особу, которую и отнесли въ кофейную. Я хочу знать не ранена ли она и попросить у ней извиненія и подать, помощь если она въ ней нуждается.

Мартинъ опять сдѣлался серьезенъ, низко поклонился и приготовился повиноваться безъ замедленія.

Г-нъ Тіевръ, одинъ изъ имегрировавшихъ и удовлетворенныхъ имперіей возвращеніемъ своихъ имуществъ, былъ въ концѣ концовъ всетаки недоволенъ; жадный къ почестямъ, онъ требовалъ себѣ важнаго мѣста, но не получилъ по случаю быстро текущихъ событій, которыя не позволили удовлетворить всѣхъ. Посвященный въ усилія роялистовъ возстановить прежнюю королевскую династію, онъ съ жаромъ бросился въ это предпріятіе и былъ однимъ изъ сдѣлавшихъ союзникамъ пріемъ, о которомъ уже было рассказано. Благодаря счастливой идеѣ своей супруги, онъ предложилъ свой домъ Мурзакину, котораго бы онъ вполне могъ захватить въ свои руки. Маркиза, пѣшкомъ, въ Елисейскихъ поляхъ, любовалась смотромъ. Она была поражена ростомъ и фигурой Мурзакина и постаралась узнать его имя, которое оказалось ей не безъизвѣстно; въ Россіи у ней была одна далекая родственница, прозывавшаяся Мурзakiной, очень можетъ быть, что она приходилась и сродни молодому князю. Такъ какъ онъ былъ князь да еще самый красивый молодой человѣкъ во всей арміи, то его было пріятно имѣть своимъ гостемъ.

Маркиза было 22 года; она была свѣжая, бѣлая блондинка, немного полна для узкаго костюма, который тогда носили, но до-

вольно высока, чтобы сохранить эlegantность въ формахъ и походкѣ. Она терпѣть не могла своего маленькаго, плюгаваго мужа, что не мѣшало ей стараться о его повышеніи. Она была вѣтрена, разсѣяна, любила деньги и, несмотря на свое честолюбіе, была ужасно пуста. Она любила нравиться, любила веселую жизнь, любила командовать большою свитой ухаживателей, дѣлала долги и мечтала о мѣстѣ для мужа при дворѣ, гдѣ она могла бы блистать своимъ богатствомъ и своей красотою.

Она была не изъ благородныхъ и принесла свою молодость и большое состояніе мало пленяющему ее мужу собственно для того, чтобы быть маркизой. Она была не далека, но за словомъ въ карманъ не лезла. Всегда вѣдома, всегда занята разсказомъ о туалетахъ, она думала только объ одномъ: превзойти другихъ женщинъ и быть, по крайней мѣрѣ, одной изъ замѣченныхъ.

Съ любовью къ шуму и мишуру она сильно пристрастилась и въ военнымъ въ особенности. Было время, когда она гордилась, что вальсировала съ красивыми офицерами имперіи. Видя новоприбывшую армію, блестящіе мундиры, каски и перья, она пьянѣла отъ восхищенія; но опьяненіе было только поверхностное—сердце въ немъ не принимало участія. Маркиза хотя и была вѣтрена, но любовниковъ никогда не имѣла. Вообще же она была очень милой женщиной и имѣла силу воли управлять своими страстями, въ чемъ впрочемъ ею руководилъ эгоизмъ.

Она приняла Мурзакіна съ такою же радостью какъ и неосмотрительностью.—Я его люблю, я его буду любить, говорила она себѣ съ перваго же дня; но такъ какъ онъ перелетная птица, его не надо любить сильно. Любить сильно или не сильно для нея, болѣе или менѣе, было не трудно; она никогда не была застигнута врасплохъ въ дѣлахъ любви. Франція этого времени чужда была всякаго романтизма. Веселая жизнь временъ Директоріи и Регенства канула въ вѣчность. Во время войны некогда любить долго и нѣжно!

Ничего не казалось ниже французамъ какъ русскій этой эпохи. По причинѣ ихъ легкости говорить на нашемъ языкѣ и воспринимать наши обычаи, ихъ звали у насъ сѣверными французами.

Мурзакінь не былъ однако настоящій русскій. Грузинъ по происхожденію, москвичъ по воспитанію, онъ никогда не видѣлъ Петербурга и только благодаря войнѣ и протекціи своего дяди, Оготскаго, находился на глазахъ царя. Безъ войны онъ прозябалъ бы въ трудной военной службѣ на азіатскихъ границахъ. Онъ отличался въ битвѣ подъ Москвой и былъ замѣченъ начальствомъ.

Красивый собой Диомедъ всегда имѣлъ успѣхъ у дамъ, къ какому бы сословію они не принадлежали. Хотя онъ этимъ и тщеславился, но въ первый день своего прибытія постарался этого не высказывать. При первомъ взглядѣ на маркизу, онъ видѣлъ уже въ ней свою добычу. Въ одинъ часъ онъ уже понялъ, что она не любила своего мужа, не была пажошна, была очень жива, ни чуть не сурова и которой онъ непреодолимо нравился. Но въ своемъ ухаживаньи, въ первый день, онъ не далеко ушелъ и удивлялся этому песказанно. — Онъ еще не зналъ что значитъ настоящая французская кокетка.

Ужасно усталый, онъ крѣпко заснулъ на новомъ мѣстѣ и на другой день проснулся съ спокойной совѣстью, что не нарушилъ чужое спокойство.

Первое лицо, явившееся на его зовъ, былъ точный Мартинъ, который, не зная, какъ его именовать, назвалъ его, на всякій случай, превосходительствомъ.

— Я самъ исполнилъ ваше приказаніе; взявши фіакръ, я отправился въ предмѣстье Сенъ-Мартинъ и нашелъ табачную.

— Табач... какъ вы сказали?

— Эти кофейныя для нищаго люда, называются попросту табачными. Тамъ курятъ и играютъ на билиардѣ.

— Очень хорошо, благодарю. Но что же дальше?

— Я освѣдомился объ этомъ происшествіи. Ничего не произошло важнаго. Маленькая особа ничуть не ушиблась; ей дали выпить немного ликеру, и она была въ состояніи взойти къ себѣ, потому что она живетъ именно въ этомъ домѣ.

— Вамъ бы слѣдовало побывать у ней; это доставило бы мнѣ удовольствіе.

— Я и сдѣлалъ это, ваше превосходительство. Я взошелъ... вы себѣ представить не можете по какой лѣстницѣ, и нашелъ... барышню, маленькую гризетку за розглаживаньемъ своихъ нарядовъ. Я ей передалъ, что князь Мурзакинъ удостоилъ ее своей благо-склонности...

— Что же она отвѣтила?

— Вещь очень любезную. Передайте этому князю, сказала она, что я его благодарю, что я ни въ чемъ не имѣю нужды, но что я желала бы его видѣть.

— Я охотно отправляюсь къ ней, если не буду задержанъ.

Мурзакинъ хотѣлъ сказать про арестъ, но онъ не нашелъ нужнымъ посвящать въ это обстоятельство Мартина, и кромѣ того Мартинъ не далъ ему на это времени.

— Вашему превосходительству, вскричалъ онъ, невозможно идти въ такую конуру, надѣюсь что вы будете благоразумны и не пойдете по этимъ отвратительнымъ кварталамъ. Кромѣ того, ваше превосходительство, не должно отвѣчать не такое глупое требованіе. Будь на вашемъ мѣстѣ, я бы не отвѣтилъ.

— Между тѣмъ надо пойти, сказалъ Мурзакинъ, какъ будто пораженный неожиданной мыслью. Не сказала ли она, что знаетъ меня?

— Да, она сказала, что знаетъ ваше превосходительство, но я принялъ это за враки.

Другой лакей пришелъ доложить князю, что маркиза ждетъ его въ залѣ, и онъ отправился къ ней очень озабоченный.

— Это странно, говорилъ онъ самъ себѣ, проходя великолѣпныя комнаты, когда эта дѣвушка неосторожно приблизилась къ моей лошади, ея фигура поразила меня, какъ будто это была знакомая особа, которая хотѣла меня позвать! и потомъ произошло это приключеніе; я ни о чемъ больше не могъ думать какъ о немъ. Но теперь я снова вижу ея фигуру, и она производитъ во мнѣ нѣкоторое смущеніе.

Когда онъ вошелъ въ залу, онъ все еще не отыскалъ, съ кѣмъ она имѣетъ сходство, и забылъ все въ присутствіи прекрасной маркизы.

— Идите сюда, кузень, сказала она ему, протягивая руку, и расскажите, какъ вы провели ночь.

— Черезъ-чуръ хорошо, отвѣчалъ откровенно князь, цѣлуя ужъ очень нѣжно бѣлую и выхоленную ручку маркизы.

— Не понимаю, какъ это можно спать черезъ-чуръ хорошо? спросила она, уставивши на него удивленные голубые глаза.

Онъ совсѣмъ не замѣтилъ ея удивленія и отвѣтилъ что то нѣжное и довольно грубое, что заставило ее покраснѣть до ушей, но она не смутилась и сказала съ увѣренностью:

— Кузень, вы говорите очень хорошо на нашемъ языкѣ, но вы не схватываете, можетъ быть, хорошо оттѣнки выраженій. Конечно это скоро усвоится, такъ какъ вы, иностранцы, очень воспріимчивы! Надо вамъ будетъ говорить нѣсколько дней съ осмотрительностью, я это вамъ говорю какъ другъ, какъ родственница. Я ничуть не сержусь, но другая на моемъ мѣстѣ, приняла бы это за грубость.

Снявъ Диомеда закусилъ свои пунцовыя губы и замѣтилъ, что сдѣлалъ оплошность. Нужно было употребить на это больше времени и побольше труда. Онъ посмотрѣлъ на нее умоляющимъ

взглядомъ и сдержано вздохнулъ; физіономія его такъ ясно выражала обманутыя надежды, что г-жа Тіевръ была этимъ тронута и не имѣла мужества продолжать урока, который хотѣла ему дать.

Она заговорила съ нимъ о политикѣ, о возвращеніи на престолъ династіи Бурбоновъ. Это мало интересовало Муракина, но надо же было что нибудь говорить, и онъ поддакивалъ маркизъ. Разговоръ все еще продолжался о Бурбонахъ, когда онъ подумалъ заговорить съ ней о французскихъ модахъ, сдѣлать ей комплементъ насчетъ ея утренняго наряда и разспросить ее о костюмахъ низшихъ и высшихъ обществъ Парижа.

Она была весьма свѣдуща въ этихъ дѣлахъ и поэтому согласилась разъяснить ему это.

— Въ Парижѣ нѣтъ костюма собственно одного класса, чтобы онъ не принадлежалъ и другому, сказала она. Всякая женщина, если у ней есть средство купить шляпку, носить на улицѣ шляпку; всякій, который имѣетъ возможность достать себѣ сапоги и сюртукъ, имѣетъ полное право ихъ носить. Вы никогда не отличите, съ перваго взгляда, лакея отъ барина; иногда лакей, который объ васъ доложить, одѣтъ гораздо лучше чѣмъ самъ хозяинъ. Надо по физіономіи и въ особенности по взгляду различать классъ людей. Выскочка никогда не будетъ имѣть развязности и достоинства высокаго барина, будь онъ покрытъ кружевами и драгоценностями; гризетка всегда хорошо одѣта и равные съ ней никогда не примутъ ее за простую, но для насъ, дамъ большаго свѣта, она всегда будетъ крестьянкой, покрытой брилліантами и одѣтой дороже чѣмъ мы.

— Да, сказалъ Муракинъ, я вижу, что нуженъ тактъ—большое знаніе такта! Но вы говорили про гризетку—я знаю это слово, вѣдь я читалъ французскіе романы. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ парижская гризетка? Я долго думалъ, что это классъ дѣвушекъ, которыя одѣты въ сѣрое (gris).

— Я ничего не знаю объ этимологіи этого слова, отвѣчала маркиза, ихъ костюмъ изъ всѣхъ цвѣтовъ; можетъ быть, слово происходитъ отъ нѣкотораго рода чувства, которое онѣ производятъ.

— А! а! теперь я понимаю! гризетка! Опьяненіе одной минуты. У нихъ нѣтъ совсѣмъ страстей?

— Или лучше.... но я не знаю право, честныя женщины не могутъ постигнуть этихъ существъ.

— Развѣ всѣхъ работницъ въ Парижѣ называютъ гризетками?

— Я не думаю. Названіе примѣняется только къ тѣмъ, которыя легкаго поведенія. Но вотъ что? Зачѣмъ вы меня спрашиваете объ

этомъ такъ настоятельно? Пожалуй можно сказать, что вы хотите броситься въ глупыя предпріятія, которыя Парижъ охотно предлагаетъ всѣмъ ново-прибывшимъ.

Въ вопросѣ г-жи Тіевръ слышалась досада и даже худо скрываемая ревность. Мурзакинъ замѣтилъ это и поспѣшилъ ее увѣрить, разсказавши кратко происшествіе, случившіеся съ нимъ наканунѣ, и объявляя ей, что онъ находится подъ арестомъ, въ отелѣ Тіевръ.

— Это потому, прибавилъ онъ, что вашъ лакей, передавая мнѣ мое прощенье, употребилъ слово гризетка, вотъ я и хотѣлъ знать, что это значить.

— Это не важная штука, возразила маркиза; надо ей послать лундоръ, и все будетъ кончено.

— Онъ говоритъ, что она ничего не хочетъ, сказалъ Мурзакинъ, думая, что бесполезно прибавлять ей, что гризетка выразила желаніе его видѣть.

— Такъ она значить богато содержится.

— Богато! совсѣмъ нѣтъ, подумалъ князь; она живетъ въ такой трущобѣ и разглаживаетъ сама свои наряды. Но гдѣ же я видѣлъ эту хорошенькую, маленькую, смятую фигурку?

Мурзакинъ думалъ охотнѣе пофранцузски чѣмъ порусски, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ находится во Франціи и—привычка очень скверная—произносилъ слова въ слухъ.

Смятая фигурка употреблялось нѣкоторое время и приписывалось маленькой пріятной дурнушкѣ. Гризетка же, о которой говорится, не имѣла такой фигуры. Блѣдная и стройно тонкая, но безъ всякаго блеска, она имѣла въ линіяхъ гармонію и деликатность и не представляла классическую красоту, но была вполне хорошенькой картинкой. Она была довольно высока и имѣла пріятное лицо, и, думая объ этомъ, Мурзакинъ прервалъ себя внутренно. «Нѣтъ не смятая, сказалъ онъ себѣ, а хорошенькая, очень хорошенькая! Блѣдная и ничего не хочетъ!

— О чемъ думаете вы, спросила его маркиза?

— Этого нельзя вамъ сказать, возразилъ нагло молодой князь.

— А! вы думаете объ этой гризеткѣ?

— Нѣтъ. Но вы меня сейчасъ такъ отлично отдѣляли! Вы не имѣете права меня спрашивать.

Онъ сопровождалъ этотъ отвѣтъ такимъ томнымъ проникающимъ взглядомъ, что маркиза снова покраснѣла и сказала сама себѣ: онъ влюбленъ, надо остерегаться!

Пришелъ маркизъ и прервалъ ихъ разговоръ.